

Д. С-КИЙ <Д. Н. СЕМЕНОВСКИЙ>

В. Маяковский. Война и мир

Пгр. Изд. «Парус», 1917

Много озорства, много преднамеренной грубости, много самого неприятного паясничания и кривляния, — вообще куча недостатков, но есть нечто и хорошее.

Кто-то из критиков назвал Маяковского «ломовым извозчиком от поэзии». Это очень верно, очень похоже. Маяковский не «бряцает на лире», не поет, а оглушительно шумит, орет, вопит.

Стих его неуклюжий, грубый, точно телега прыгает по мостовой или корявый жесткий репейник напролом прет из-под земли на свет Божий...

Неуклюже, но сильно и выразительно!

Вот как, напр<имер>, он рассказывает о том, что происходит в сознании тяжело раненного:

...Пятый день
в простреленной голове
поезда выкручивают за изгибом изгиб...
В гниющем вагоне
на сорок человек —
четыре ноги...

В Маяковском есть многое от великого американца Уотта Уитмэна, но, бесспорно, что он много и своего принес в поэзию. И если кто из молодых русских поэтов может быть назван новатором, так прежде всех этого имени заслуживает — Владимир Маяковский.

Для него характерен его неправильный тяжеловесный стих: его гиперболы, его глаголы надуманные, но выразительные вроде «выкручивать», «вкуться», «вырыскать» и т. д.

Досадное впечатление производят вычурные рифмы: «глаз заре — Лазарей», «скосите — кости», «залежи — глаза лижи». Это уродливо.

Вся поэма от первой до последней строчки является проклятием кровавой бойне, затеянной королями и капиталистами и утопившей в крови все человечество.

В то время, когда половина России кричала: «Война до победного конца!» — Маяковский был одним из немногих, сумевших воскликнуть сквозь голоса злобы и вражды:

— Славься, человек,
во веки веков живи и славься!
всякому
живущему на земле
слава,
слава,
слава!

